

УДК 93/94
ББК 63.3(2)612
Г 756

ISBN 978-5-99034-813-4

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда наследия русского зарубежья*

Составители:

Кручинин А.С., Марченко Т.В., Сорокина М.Ю.

Г 756 **Гражданская война в памяти русского зарубежья : К 100-летию** Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг. : Материалы международной научной конференции. Москва, 31 октября – 1 ноября 2022 г. / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; сост. А.С. Кручинин, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. – Москва : Вифсаида, 2023. – 632 с. : ил.

ISBN 978-5-99034-813-4

Настоящее издание посвящено восприятию Гражданской войны 1917–1922 гг. побежденной стороной, тому, как «русская смута» XX в. отложилась в памяти ее антибольшевистски настроенных участников, была интерпретирована в интеллектуально-культурном наследии русского зарубежья. Сборник составили материалы международной научной конференции, приуроченной к 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг., которая состоялась в Доме русского зарубежья 31 октября – 1 ноября 2022 г. В ее работе приняли участие около 90 исследователей из разных городов России и ряда зарубежных стран.

В издании собраны статьи, посвященные белому воинству, покинувшему страну ее выдающимся представителям, прежде всего писателям, судьбам простых людей, чьим уделом стали эмиграция и чужбина. Авторы коллективного труда обратились как к осмыслению и мемориализации Гражданской войны эмигрантами первой волны, так и к современным коммеморативным практикам. Книга является существенным вкладом в изучение российской истории, эмигрантологии, духовного наследия русского зарубежья и будет востребована не только научным сообществом, но и читателями, интересующимися судьбами отечества и его великих и незаметных граждан. Издание снабжено цветной вклейкой, иллюстрациями архивных материалов и фотографиями.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)612

© Авторы, 2023
© Кручинин А.С., составление, 2023
© Марченко Т.В., составление, 2023
© Сорокина М.Ю., составление, 2023
© Оформление. ООО «Вифсаида», 2023

«ВСЕГДА БЫЛО СТРАШНО ЖИТЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ»:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ
ЛЕОНИДА ЗУРОВА

А.М. Любомудров
Санкт-Петербург, Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
E-mail: anketaspb@yandex.ru

«IT HAS ALWAYS BEEN SCARED TO LIVE
ON THIS LAND»:
CIVIL WAR IN THE ARTISTIC HISTORIOSOPHY
OF LEONID ZUROV

A.M. Lyubomudrov
Institute of Russian Literature
(Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences

Гражданская война определила вектор всего творческого пути Леонида Федоровича Зурова (1902–1971). В ноябре 1918 г. шестнадцатилетним юношей Зуров записался добровольцем в Северо-Западную армию, был пулеметчиком, участвовал в наступлении на Петроград, был контужен и дважды ранен. История Белого движения стала для него предметом исторического исследования и художественного осмысления. На протяжении многих лет он занимался сбором материалов по истории Северо-Западной армии (см.: [Мажара 2013]), этот архив хранится в фонде Л. Зурова в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына. Его первое стихотворение «Павшим» (1922) было посвящено памяти воинов, погибших в Гражданскую войну [Громова, Захарова 2012, с. 13]. В самое плодотворное для автора десятилетие, в 1928–1938 гг., им были написаны повесть, два романа и десятки рассказов, в которых воссоздана трагическая революционная эпоха. Все они носят в той или иной мере автобиографический характер, поскольку Зуров, как правило, описывает события, участником или свидетелем которых он был. Незавершенный роман «Зимний дворец», над которым писатель работал много лет, также посвящен событиям 1917 г.

В то же время в книгах Зурова на первый план выходит не документальная фактура, но философско-историческое осмысление эпохи, дыха-

ние истории. Главные смысловые центры образно обозначены в строке из романа «Поле», определяющей всю повествовательную ткань: «Россия. Ее поле, ее небо, дыхание» [Зуров 1983, с. 137].

Одна из первых книг Зурова «Кадет» (1928), высоко оцененная Буниным и рецензентами, — повесть, воспевающая героиню юных добровольцев. Она помогает понять психологию участников белого сопротивления. Гражданская война предстает как столкновение молодости, героического порыва, чистоты любви со стихией зла. Желание идти в бой для кадетов и юнкеров естественно: их позвали — они пошли. Они плохо разбираются в политических перипетиях и не подвержены особой рефлексии, но ими движет коллективный энтузиазм. О главном герое Мите, готовящемся к бою, говорится: «Его мальчишеское сердце трепетало от восторга, и он был готов всегда, в любую минуту, целиком, всей душой идти вместе с ними присягать и освобождать Россию» [Зуров 1999, с. 230]. Но авторская позиция далека от безоглядного ура-патриотизма. В действиях отряда повстанцев царит неразбериха, непонятно зачем отряд бросают на Рыбинск, командиры между собой не могут договориться, постоянно приходят то обнадеживающие, то тревожные слухи — обстановку безвременья, хаоса Зуров передает мастерски.

Гражданская война рождает атмосферу беззакония, страха и смерти. Герою страшно не столько в бою, сколько в своих перемещениях по стране, где его пытаются убить, усмотрев в нем классового противника. Враг теперь уже не вне России, противостояние постепенно охватывает весь народ. Но на окраинах это сознание еще не дошло до обывателей: жители города, к которому, после отступления немцев, приближаются красные части, не верят тому, что русские способны убивать русских: «Горожан предупреждали беженцы из России: “Да чего вы радуетесь? Ведь вас разорят и повесят”. Но горожане добродушно отвечали: “Да неужели же наши русские способны на это? <...> Многие живущие не знали, что они уже мертвы, <...> не знали, что тот парк-лес, который они сохранили и расчистили для своих прогулок, станет местом их могил...» [Там же, с. 280].

После поражения Ярославского восстания герой оказывается в Риге, где вступает добровольцем в Белую армию. Финальная сцена стилистически и эмоционально звучит, как церковный благовест — идет Страстная неделя, юные герои прикладываются к Плащанице, причащаются, готовясь к новым боям или к смерти, за которой, как они верят, воследует воскресение. Пожалуй, только в этой сцене проявляется религиозное мировоззрение и автора, и его героев, до сих пор не манифестируемое: «в те ночи они познали чистую силу древних слов молитв, освобождавших их от гнета и делавших души крепкими и ясными. После молитвы спокойнее билось сердце» [Там же, с. 291]. Так молодые русские ребята, почти мальчишки, готовы идти жертвенным путем, и, по евангельскому завету, положить души «за други своя». Эта повесть — светлый гимн, героическая

сага, песня о прекрасных «белых рыцарях». «Кадет» Зурова близок по духу поэзии Н. Туроверова, А. Гессена, И. Савина, воспевших этот подвиг:

...Зевнули орудия, руша
 Мосты трехдюймовым дождем.
 Я крикнул товарищу: «Слушай,
 Давай за Россию умрем!»
 В седле подымаясь, как знамя,
 Он просто ответил: «Умру».
 Лилось пулеметное пламя,
 Посвистывая на ветру [Савин 2006, с. 20].

Зуров отдал дань памяти тем, с кем вместе бился на полях сражений.

Существенно иным предстает художественное осмысление Гражданской войны в романной дилогии – «Древний путь» (1934) и «Поле» (1939). Действие книг происходит в 1918 г. на северо-западе России, где еще не было белых частей (Северный корпус образован 10 октября 1918 г.), но были красные, которые воевали с собственным населением, и народ уже раскололся на два непримиримых лагеря. Отобразив это время, Зуров не дает описаний конкретно-исторических событий, борьбы за власть, обстановки на фронтах и т. п. Никак не проявлены политические воззрения, цели враждующих сил. Автор не говорит о том, за какие, собственно, цели бьются стороны в кровавой схватке, лишь показывает, как глухая вражда постепенно перерастает в жестокое противостояние. Он погружает действие своих романов в контекст большой истории, охватывающей столетия и тысячелетия русского бытия. «Поле» – многомерный символ русской истории, разлитой «в очаровательном и жестоком», в ходе которой присутствует «вечное, радостное и жестокое» [Зуров 1983, с. 44]. Скорбь, горе, страдание имманентны этой истории. Нынче она породила очередное зло – революцию и Гражданскую войну.

Действие книг распадается на ряд сюжетных линий, связанных с несколькими персонажами. Возвращаются с фронта и вольноопределяющийся Назимов в свое имение, и крестьянин Тимофей в свою деревню. Начинаются поджоги окрестных усадеб, крестьянские сходы, бессудные убийства, в книгах много страшных и жестоких сцен. Современность чередуется с воспоминаниями о счастливой юности, первой любви. Самый художественно сильный и завершенный сюжет – центральная часть романа «Поле» – повествует о расстреле свадебной процессии. Хуторянин Ермолай опасается ехать из нейтральной полосы в село, занятое красными, где должно состояться венчание, его одолевают тревожные предчувствия, но наконец он уступает просьбам жениха, своего крестника. Символ видится уже в том, что расстреливают свадьбу – самое мирное действие, долженствующее дать начало новой жизни. Кровавая разборка, перестрелки, убийства, погоня за истекающими кровью Ермолаем и Ан-

ной мастерски выписаны Зуровым, эти страницы не уступают по художественному уровню, трагическому напряжению сценам «Тихого Дона».

Стершимся понятиям «кровопролитная война», «кровавая эпоха» Зуров возвращает изначальный и ужасающий смысл. Можно сказать, что некоторые главы «Поля» буквально утопают в крови: «Пиджак был растегнут, кашемировая рубашка, жилет залиты кровью. Он лежал на солнце, и страшна была желтизна его избитого лица с запекшейся раной. Под его телом пропитывалась кровью земля» [Там же, с. 70]. Раны открываются, кровь льется и льется вновь, читать эти страницы трудно и подчас невыносимо: Зуров допускает максимальный нажим на читателя. Но, обнажая плоть Гражданской войны — муку, боль, разложение, бред раненых, автор в то же время сохраняет поразительное спокойствие, которое точнее всего назвать эпическим. Так Гомер в своих эпических поэмах бесстрастно описывал злодеяния и благородство, жизнь и кончину героев. Действительно, романная диалогия напоминает древний эпос благодаря особому фокусу авторского объектива. Крупные планы сменяются широкоугольными панорамами, авторская «камера» поднимается над полем действия, расширяются не только пространственные, но и временные координаты. Человек вносит в мир диссонанс, гибнет или лишает жизни другого, но не способен поколебать само мироздание. Эту отличительную черту не могла не заметить критика: Зуров «с летописной неспешностью фиксирует происходящее, <...> с одинаковой беспристрастностью передает все, что видит: и смерть человека, и красоту заката. Повествование у Зурова движется с той же скоростью, с какой течет время — невозмутимое, равнодушное к нашим эмоциям. Отсюда особый эффект зуровской прозы: ровный, спокойный характер повествования — и контрастирующий с ним темп описываемых катастрофических перемен»; перед читателем «движется сама история» [Линник 1992, с. 65].

И здесь историософский контекст сопрягается с религиозно-философским. В происходящем один из персонажей усматривает исполнение библейских пророчеств: в повествование включена цитата из книги Ездры, в которой говорится о том, как будут посланы бедствия на землю, но люди не обратятся от беззаконий своих. Но это лишь намек, автор не акцентирует собственно религиозную тему, христианское сознание выражено прикровенно — черта, характерная для творчества Зурова. Божественное начало в его книгах открывается в картинах природы, в ощущениях надмирных сфер, и в тексте оно выражено с помощью символов, наиболее частым из которых становится небо: «...и было отечески простерто над садом и домом какое-то рождественское и благословенное небо, какая-то древняя обитель всех дышащих душ» [Зуров 1985, с. 124].

Вот одна из выразительных сцен:

Но земля была холодна, и трудно было на ней иззябшему, раненому, бежавшему от людей, потерявшему много крови человеку, и единственно, что можно было

делать, это греться на этой земле друг другом, человеческой, единственной, живой, родственной теплотой. И они молчали, прижимаясь плотней, и молчали, а временами забывались — то тот, то другой.

А потом дождь перестал. С березовых листьев еще падали капли, но там, за полем, рекой, над лесною хвоей, очистилось небо, и в нем возникали освещенные уходящим солнцем белые облака, — какая-то теплая, блаженная обитель, где проходит все — и усталость, и холод, и боли, и скорбь [Зуров 1983, с. 108–109].

Земля, небо и человек — вот подлинные начала бытия, основы мироустройства. Читатель с чутким слухом уловит здесь парафраз церковной литии, прошения упокоить душу усопшего в обителях, «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Только с этими заоблачными далями связаны и надежда, и умиротворение, и исход, какой бы он ни был. Только уверенность в действительное присутствие этой духовной надмирной реальности позволяет преодолевать трагизм земной жизни, мрачного безвременья, — такова подспудная мысль автора, и эта вера отличает Зурова от многих литераторов-летописцев Гражданской войны. Как писал Г. Адамович, «он вообще спокоен за все, о чем говорит, будто уверенный в том, что конец всего будет естественный, ясный, такой же согласный с божественными законами бытия, как и смерть одряхлевшего дерева. Это отличительный признак писаний Зурова: спокойный фон, величавая и вечная неподвижность его» [Адамович 2018, с. 441].

Но вернемся к земной конкретике гражданского противостояния. Одна из важных тем — нравственный облик народа в эпоху Гражданской войны. Конечно, народ в книгах Зурова разный, есть в нем мудрецы и праведники, но многие захвачены стихией зла. Еще в «Кадете» Зуров типизировал картину, которую в России революционных лет наблюдать можно было повсеместно: хозяйка имения «думала, что крестьяне любят ее за частую помощь, за бесплатное лечение, за подаренную им несколько лет тому назад тысячу десятин земли. Она вспомнила, как мужики отстаивали во время пожара надворные постройки» [Зуров 1999, с. 182]. Теперь те же крестьяне, превратившись в озверевшую толпу, идут грабить хозяев с криками «теперь все наше!». Особенно отвратительно, что в этом участвуют женщины, казалось бы, по своей природе должны быть более миролюбивыми и человечными:

Баб Митя почему-то раньше не заметил, а теперь они, растолкав мужиков, вырвались вперед и бросились к возкам. Бабы начали визжать и драться, вырывая друг у друга из рук битую птицу. Герасим топором выбил днища бочек, и бабы начали черпать ведрами керосин. Стало противно. Митя, повернувшись, опустив голову, пошел в дом [Там же, с. 223].

Разрушение нравственных основ достигает своего предела в отношении к человеческой жизни, которая полностью обесценилась. «Господи, не боится смерти народ» [Зуров 1983, с. 34], — восклицает крестьянка, не

только в том смысле, что не страшно умереть, но и лишиться жизни другого. Смертоубийство стало обыденным явлением. Зуров часто употребляет народное использование слова «бить» в значении «убить». Текст наполнен репликами: «А только слово одно, что буржуй. Все потомство бить надо» [Зуров 1985, с. 11]; «узнают солдаты — убьют. Это просто. Теперь им убить — дело пустое» [Там же, с. 120]; «теперь и думка одна — кого бы получше убить. <...> А теперь и время такое. Теперь около обходи человека. Как попался — так смерть» [Зуров 1983, с. 37]. Лапидарные реплики голосов из народа раскрывают суть катастрофических перемен: «А нам свои хуже врагов» [Зуров 1985, с. 99]; гражданская война «страшнее» мировой: «хотя на той войне было обилие смерти, но эта пылала черным огнем» [Зуров 1983, с. 81].

Можно ли озаглавить книги Зурова новым «Словом о погибели Русской земли»? Нет, потому что, по мысли автора, разворачивающаяся Гражданская война не является исключительным историческим событием. Волю к самоистреблению русская земля несет в себе изначально. Страдание, горе, кровь сопровождают всю ее историю, и это не только следствие набегов разнообразных «половцев и печенегов». Это и есть печальный «древний путь», по которому движется русская история. Вот пример — Митя уезжает из России:

Боль рождали открытые взору просторы, на которых люди умели умирать, но не умели жить. А на редких станциях, где люди сумели построить несколько скучных, казавшихся островками среди безлюдного края строений, шумели выстрелы заградительных отрядов, лились женские слезы и отнятые солдатами мешки летели на деревянные помосты. <...> Развертываясь, как пестрый свиток, бежали перед глазами сжатые поля, ржавые болота, перелески, серые кучи деревень и редкие убогие сельские церкви — родина. Родина Мити, бабы и красноармейцев [Зуров 1999, с. 273–274].

Само русское «поле» порождает братоубийственное противостояние, обретающее на сей раз особенно жестокие формы.

Это ключевая мысль художника:

Всегда было страшно жить на этой земле. Какое количество диких земель, все бесформенно и обширно, разбросано на невероятных просторах. Сколько сил ушло на строение этой земли. И скоро усадебное место будет чернеть под снегом, и пожар увидят глаза крестьян, вышедших из изб женщин, и дети на всю жизнь запомнят, как горело, освобождая место, назимовское гнездо. <...> Слово ничего не было, не существовало с пугачевских времен, когда висел молодой барчук на своих же воротах и ветер на его склоненной голове вздымал легкие волосы [Зуров 1985, с. 128–129].

Эти и аналогичные размышления, рассыпанные в текстах книг, то принадлежащие персонажу, то переходящие в голос самого автора, могут подтолкнуть к выводу о России как о некоем метафизическом простран-

стве беды, страдания и небытия, где народ «не умеет жить». «За что, — думал он, — за какие грехи? Какое страшное за нами наследство? <...> Глухо и враждебно живет земля, уже наполненная страхом и смертью» [Там же, с. 129]. Но эта безысходность, как уже было отмечено, снимается через приобщение к Вечности.

И еще одно следствие гражданского сопротивления отмечает Зуров. В тех районах, где хозяйничают красные, жизнь становится невыносимой для всех, сохранивших душу, не только физически, но и нравственно. Крушение человеческих начал при новой власти порождает ужасающую скуку — атрибут безвременья:

Смертельная скука их дней, недолгого праздника, когда немногим обогатились они, поделив поношенную одежду расстрелянных накануне, зарытых ими же в поле людей, недолгая радость — пройтись по улице с девкой, в снятых с убитого офицера галифе... [Зуров 1983, с. 79–80].

Характерно, что экзистенциальное одиночество герой ощущает уже в дни Февральской революции: «все та же печальная, пустая свобода русских полей, слишком все вольно, открыто, и нечего делать, некуда девать свою молодость» [Там же, с. 121]. Эта inferнальная скука становится невыносимой для Назимова, жизнь утрачивает смысл. Остаются ценности — родные, дом и человеческое достоинство. Но родители скоро покинут это мир, дом сожгут, и выход видится Назимову в том, чтобы поехать на юг, сражаться в рядах Белой армии, принять смерть в бою, и это будет «радостная гибель». Не победить жаждет он, но сохранить свою личность:

Только одно — только одна славная смерть, там, в боях, на походе, в нападении, а не в защите, встреча со смертью в поле, в борьбе, в которой единственно для него сохранилось человеческое достоинство [Там же, с. 82].

Далее следует эпическая картина — то ли греза героя, то ли провидение автора, — как душа погибшего

взойдет к высоким воинским городам, причастясь к предкам, свободно и радостно павшим за русскую землю, где при дороге, в пыли и крови, предстоит пред Единым и Всемогущим душа умирающего в солнце, где для него единственный раз, единый раз, Божественным светом, золотом и зеленью расцветает огромное солнце [Там же, с. 86].

Вновь и вновь утверждается христианская мысль о разрешении страданий и горестей, о преодолении самой смерти, которое совершится за пределами здешнего мира.

В 1920–30-е гг. Леонид Зуров путешествовал по русским землям, отошедшим к получившим независимость Латвии и Эстонии, общался с местными крестьянами, видел их жизнь. Свои наблюдения он запечатлел в очерках и рассказах, лучшие из которых вошли в сборник «Ма-

рьянка» (1958). Со времен Гражданской войны прошли годы, в этих краях установилась мирная жизнь, и народ все-таки сохранил душу живую. Кажется, все страшное позади, и здесь, наконец, процветет мир, добро и любовь. Зуров питает надежду на будущее, пусть неведомое, счастье. В рассказе «Партизанская могила» (1931) автор разбирает стихи, начертанные на кресте погибшего в Гражданскую молодого человека, «белого» партизана: «Это были простые стихи, но в них, вот как и в песнях народных, жило что-то бесконечно родственное добрым сердцам, сырой земле, лугам и полевым птицам...» [Зуров 1958, с. 128]. Рождается оптимизм по поводу будущего России или по крайней мере вот этого кусочка русской земли: «...я по-иному увидел отошедшие в прошлое, навсегда осужденные народом, страшные годы. <...> Я всем сердцем почувствовал, что ненависть пройдет, а любовь и печаль на веки останутся» [Там же, с. 127]. Увы, с исторической дистанции видно, что авторский оптимизм не оправдался: ни осуждения Гражданской войны, ни «торжества любви» не случилось в России ни в XX, ни в XXI в. Родственные надежды рождаются в шедвре Зурова, рассказе «Гуси-лебеди», с проникновенными финальными строками:

мне казалось, что для сердца моего теперь все открыты пути. А провода гудели, серые вдаль уходили столбы, а впереди из облаков каким-то будущим неведомым счастьем над русскими полями проливался солнечный свет [Там же, с. 161].

Эти строки, рожденные жившими в душе автора воспоминаниями, написаны в 1955 г. (первая публикация рассказа), когда тамошние жители вновь пережили тяжкие времена, потеряли своих близких, убитых или сосланных, увидели разорение храмов, — вряд ли их жизнь можно назвать «счастливой». И поэтому авторские упования обретают (как и аналогичные им в «Поле») метафизический характер: заоблачный свет и «неведомое счастье», очевидно, ждут в мире ином, а в наличном земном бытии они, увы, неосуществимы. Где-то там, в солнечном неземном сиянии пребывают души добрых людей, а может, и сама душа народа, но на земле не прекращается «горе-злосчастье».

Уже после кончины Зурова в его архиве был обнаружен и опубликован рассказ «Первый, второй...», который можно рассматривать как финальную точку, как завет Зурова в осмыслении эпохи Гражданской войны. Обрисован эпизод: белые, теряя своих солдат, отбивают у красных матросов деревеньку, оставшихся берут в плен и затем выводят на расстрел, заставив рассчитывать на первый-второй. В рассказе воссоздана безысходная трагедия уничтожения жизни как таковой. Вращается колесо жестокой бездушной машины, хозяйничает смерть. Нет смысла в жертвах и подвигах, нет и намек на то, за что сражаются эти люди, убивая друг друга. Отсутствует понятие «враг» в сущностном смысле этого слова — как захватчик, оккупант или пришелец. Несколькими штрихами обозначена мысль, что воюют братья, все они — *свои*: раненый матрос мо-

лит белых о пощаде криком «землячки», а пленные, оказывается, те же «архангельские, тверские» мужики [Зуров 1972, с. 8]. Авторский гуманистический посыл лапидарно выражен в завершающих рассказ солдатских репликах:

- Жалко, — сказал Волненко больное и острое слово.
- Всех людей, братцы, жалко [Там же, с. 12].

В большинстве произведений о Гражданской войне выносятся приговор, авторский или «приговор истории», персонажам или целым движениям, одни из которых разоблачены, другие нравственно оправданы. Зуров смотрит на эпоху в такой исторической перспективе, когда жалко становится всех. Призвание человека — не судить, а любить (народный синоним к слову «жалеть»), и это сострадание всем замученным выделяет книги Зурова из целого пласта произведений о том жестоком времени. Его видение эпохи с точки зрения вечности, его художественное осмысление братоубийственного противостояния оказывается актуальным и во многом справедливым и сегодня, сто лет спустя.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 2018 — *Адамович Г.В.* [«Поле» Леонида Зурова] // Адамович Г.В. «Последние новости». 1936–1940 / сост. О.А. Коростелев. СПб.: Алетейя, 2018. С. 437–441.
- Громова, Захарова 2012 — *Громова А.В., Захарова В.Т.* Жизнь и творчество Л.Ф. Зурова: Монография. М.: МГПУ, 2012. 134 с.
- Зуров 1958 — *Зуров Л.Ф.* Марьянка. Париж, 1958. 162 с.
- Зуров 1972 — *Зуров Л.Ф.* Первый, второй... // Новый журнал. 1972. Кн. 108. С. 5–12.
- Зуров 1983 — *Зуров Л.Ф.* Поле. Франкфурт-на Майне: Посев, 1983. 150 с.
- Зуров 1985 — *Зуров Л.Ф.* Древний путь. Франкфурт-на Майне: Посев, 1985. 150 с.
- Зуров 1999 — *Зуров Л.Ф.* Кадет // Зуров Л.Ф. Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания / сост. А.Н. Стрижев. М.: Паломник, 1999. С. 172–327.
- Линник 1992 — *Линник Ю.В.* [Предисловие к роману «Древний путь»] // Север. 1992. № 6. С. 65–67.
- Мажара 2013 — *Мажара П.Ю.* Л.Ф. Зуров как собиратель мемуаров о Белом движении на Северо-Западе России // Русская литература. 2013. № 2. С. 233–238.
- Савин 2006 — *Савин И.И.* Избранное: стихотворения, проза, драма, литературная критика, публицистика / сост. М.Е. Крошнева. Ульяновск, 2006. 200 с.